

*М.И.Пантыкина**

РОССИЙСКОЕ ПРАВО В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ИСКАНИЙ

Комплексное исследование процессов, определяющих современную правовую жизнь, является одним из приоритетных направлений развития философии права. Автор статьи полагает, что создание продуктивной объяснительной модели, достаточной для проектирования российской правовой системы, должно предваряться радикальной сменой парадигматики исследования права. Суть этого обновления, по мнению автора, должна состоять в том, чтобы выработать методологию идентификации права не только с позиции доминирующего ныне нормативного подхода, но и с точки зрения процессуального подхода.

Затянувшееся на несколько десятилетий кризисное состояние отечественной правовой системы постепенно становится обычным фоном общественной жизни. Многочисленные публикации, посвященные этой проблеме, убеждают в том, что в российском обществе неправовые взаимодействия не просто широко распространены, а фактически вступили в стадию активной институционализации. Поскольку неправовые практики непосредственно представлены в легитимных социальных институтах, то это ставит под сомнение возможность их преодоления простым указом «сверху» или даже структурными реформами правовой системы.

В сложившейся ситуации представляется необходимым комплексно исследовать процессы, определяющие современную правовую жизнь, проанализировать возможные перспективы реформирования российского права. К сожалению, имеющиеся в отечественной юридической и философской литературе попытки подобных исследований не связаны с созданием продуктивной модели российской правовой системы. В своем большинстве они ограничены призывами возвысить догматику права до философского уровня, то есть включить в нее идеи естественного права. Думается, что философское решение этой задачи лежит в радикальной смене парадигматики исследования права. Суть этого обновления, по нашему мнению, должна состоять в том, чтобы выработать методологию идентификации права не только с позиции доминиру-

* © Пантыкина М.И., 2004

Пантыкина Марина Ивановна – кафедра философии Тольяттинского государственного университета

ющего ныне нормативного подхода, но и с точки зрения процессуального подхода. Нормативный подход лежит в основе господствующей концепции права и описывает его как совокупность норм, содержащихся в текстах. При этом у права, по преимуществу, фиксируется единственная функция – функция социального контроля, осуществляемого посредством систематического применения репрессивного аппарата государства к посягательствам на нарушения своей собственной стабильности. Исследования в области истории и антропологии права в 30–40-е годы XX века показывают, что нормативный подход является достаточно недавним изобретением человеческой мысли (XI–XII века), сужающим правовое пространство до немногих стран Западной Европы. Эти выводы могут служить основанием для сомнения в незыблемости позиций нормативного подхода, предпосылкой построения альтернативной методологии и логики права.

Процессуальный подход позволяет сблизить правовую теорию и социальную реальность, показать, что способы существования права не ограничены соответствующими формами опредмечивания. В частности, данный методологический подход помогает объяснить тот факт, что поведение индивида и социальных групп моделируется в большей мере общественными процессами, чем законами и инструкциями. Хотя представления о праве как о процессе, по всей видимости, являются исторически первичными, их теоретическая разработка началась лишь тогда, когда нормативный подход обнаружил признаки кризисного состояния.

В настоящее время процесс становления нового подхода к изучению права отнюдь не завершен, что является существенной преградой для его применения в теоретических исследованиях. Без должного теоретического обобщения результаты имеющихся прикладных исследований в области истории, антропологии и социологии права остаются бесполезными для широкой реализации. Отсутствие методологического фундамента зачастую приводит к тому, что сторонников процессуального подхода отождествляют с приверженцами юснатурализма на том основании, что и те, и другие укрепляют аргументы теории универсальности права. По мнению Норбера Рулана, процессуальный подход должен формироваться как синтетический, снимающий во многом надуманные противоречия позитивного и естественного права. «Изучение норм бесполезно... Нормы-правила представляют собой не только обрамление права, но и его суть. Необходимо также исследовать причины, по которым применяются, игнорируются или нарушаются те или иные нормы, а стадии развития конфликта могут быть хорошим дополнительным подспорьем для наблюдения... Продолжая идти в этом направлении, мы обнаружим, что за одним правом – обобщенно говоря, за государственным правом – могут скрываться другие формы права» [1. С. 48]. Различие естественного и позитивного права с позиции процессуального подхода – это лишь форма синтеза, а их антитеза – это лишь временное, специфическое отношение сторон и частей единого целого.

Думается, что поиск методологических оснований процессуального подхода, значимых для решения задачи радикальной смены парадигматики права, следует продолжить исследованием теорий символизма Э.Кассирера и П.Бурдьё, а также теории неофункционализма Н.Лумана. Именно этим мыслителям удалось сделать решительные шаги в разрушении прокрустова ложа аристотелевской метафизики, развить идеи критической онтологии и гносеологии благодаря использованию таких понятий, как «процесс», «функция», «символическое». Хотя ни Э.Кассирер, ни П.Бурдьё, ни Н.Луман не свидетельствовали о своем участии в развитии процессуального подхода, однако общая направленность их творчества позволяет с полным правом использовать осно-

вополагающие идеи символизма и неофункционализма в разработке новой методологии права.

Все эти теории объединяет стремление представить формы социального бытия как невербальные символические матрицы и выявить принципы (коды) их функционирования. Так, заслугой Э.Кассирера следует считать описание феномена сознания через три важнейшие функции – выражения, представления и функцию значения, Э.Кассирер рассматривает их как основание для ориентации в мире, созданном благодаря человеку. Культура, в свою очередь, также может быть определена как процесс, задаваемый теми или иными способами объективации духа – символическими формами, благодаря которым индивидуальное приобретает всеобщее значение. В каждой из символических форм – своеобразных культурных матрицах – доминирует одна или несколько функций сознания. Так, например, искусству или мифу свойственны функции выражения и представления. Для науки функция выражения не типична, так как она в основном связана с функцией значения. Право в своем историческом развитии стремится быть представленным функцией значения, однако функция представления ему также не чужда. Целостность каждой символической формы обеспечивается благодаря генетическому и функциональному единству всех форм.

Поскольку данное исследование философии символических форм Э.Кассирера направлено на поиск методологических оснований процессуального подхода к идентификации права, то следует выделить идеи философа, в наибольшей степени соответствующие этой задаче. Во-первых, онтология символизма Э.Кассирера позволяет вернуть в сферу интересов правоведов вопросы онтологии (картин правовой реальности), показать эпистемологическое и идеологическое значение таких исследований.

Во-вторых, учение о символическом понятии помогает понять, что понятие права не субстанционально, а функционально. Другими словами, право «не является» субъекту, а «предназначено» для субъекта, поскольку выполняет функцию фильтра, благодаря которому восприятие фактов социальной реальности складывается в представления о ней и опыт действий в ней.

В-третьих, идея о полифункциональности символических форм требует рассматривать право в генетической и функциональной связанности с другими символическими формами – языком мифа, религией, экономикой. При этом важно замечание Э.Кассирера о том, что определить и обеспечить единство духовной области за счет ее предмета невозможно, это возможно с точки зрения функции, которая лежит в ее основе. Описание этой функции, комплексное изучение ее в контексте общих культурных процессов является, на наш взгляд, актуальнейшей исследовательской задачей.

В-четвертых, идея прогресса символических форм Э.Кассирера позволяет предположить, что последующая символическая форма возникает в результате ограничения «энергетического избытка», накопленного генетически предшествующими символическими формами. Точно так же изменения внутри символической формы связаны с накоплением ее потенциала и извлечением, оформлением того, что не укладывается в рамки обычного.

Думается, что в качестве еще одного варианта ответа на вопрос о необходимости радикальной смены парадигматики права может быть рассмотрена социологическая теория Пьера Бурдьё. Подобно Э.Кассиреру, П.Бурдьё утверждает, что современный социальный мир ускользает из поля компетенции социальной метафизики аристотелевского толка. Среди понятий современной онтологии отсутствует модальность необходимости. Ее место занимает модальность возможности, поскольку мир признается практически ощущаемым, поименованным и сконструированным по различным принципам

видения и деления. Неопределенность как главная характеристика социальной реальности связана «со всеми когнитивными стратегиями восполнения, которые продуцируют смысл объектов социального мира, выходя за рамки непосредственно видимых атрибутов» [2. С.64]. Неопределенность может проявляться, по крайней мере, в двух аспектах. Первый из них – неопределенность как относительность пространственно-временных параметров социальных объектов. Последние могут рассматриваться в виде результатов как симультанного процесса, так и суггестивного, исключающего различие позиций прошлого и будущего.

Неопределенность во втором смысле предстает в качестве гносеологической характеристики, относящейся к описанию особенностей восприятия социального мира социальными агентами. Как пишет П.Бурдьё, «главное в опыте социального мира и в работе по его конструированию – то, что он предполагает обращение к практике ниже уровня эксплицитного представления и вербализованных выражений. ... Категории перцепции социального мира являются продуктом инкорпорации объективных структур социального мира» [2. С.65]. Неопределенность объектов социального мира в связке с неопределенным (категориально неопределяемым), дорефлексивным характером схем восприятия и оценивания образуют архимедову точку опоры для развертывания разного рода идеологических действий. Тот, кто оказывается способным осуществлять в явном виде, публиковать то, что таилось в глубинах коллективного бессознательного, обретает реальную власть образовывать социальные группы, формировать общественное умонастроение. Работа по выработке категорий создает канву обыденного существования, закрепляя различие ощущений социального мира и соответствующих им позиций при помощи публичных заявлений, поздравлений, критики, оскорблений, комплиментов и т.п. Не случайно, замечает П.Бурдьё, слово *kategoresthai*, от которого происходит понятие «категория», означает обвинять публично [2. С.67].

Социальная реальность в понимании П.Бурдьё является пространством, образованным дискретными множествами. Единство их многообразия удерживается благодаря способности социальных субъектов признавать различия и закреплять их в социально значимых формах. В результате социальная реальность предстает как объективированная субъективность, что позволяет Бурдьё рассматривать ее в качестве символической системы, а фактические социальные различия как их символические трансфигурации. Социолог утверждает, что «ранги, порядки, градации или же любые другие символические иерархии являются продуктом применения схем построения. Эти схемы (как, например, пара прилагательных, используемых для выражения подавляющего большинства социальных суждений) являются продуктом инкорпорации структур, к которым они прикладываются, а признание их абсолютной легитимности есть не что иное, как восприятие обычного порядка» [2. С.70]. Основными составляющими процесса символизации социального миропорядка являются социальные гештальты (Бурдьё, правда, не совсем уверен в действительном существовании этих перцептивных структур) и исторически сложившиеся символические стратегии. Последние окончательно оформились и могут быть подвергнуты системному анализу. Бурдьё предлагает типологию символических стратегий, в основании которой лежит принцип контрастности. Первый крайний тип символических стратегий – «частное мнение» (*idios logos*) – реализуется в стремлении простого частного лица внушить свою точку зрения, например с помощью шантажа или оскорблений, при этом рискуя получить аналогичный ответ. Второй тип – официальная номинация, действующая в виде акта символического внушения, апеллирующего к здравому смыслу и коллективному мнению. Официальная номинация создает формальное равенство сторон, поскольку со-

вершается через доверенное лицо государства. К сожалению, П.Бурдые далее оставляет эту мысль без развития, однако для целей нашего исследования она представляет значительный интерес.

Прежде всего, следует выяснить, в чем собственно состоит символизм представленных стратегий. Заметим, что и стратегия «частного мнения», и стратегия официальной номинации имеют один и тот же предикат – легитимность. Данное понятие П.Бурдые употребляет только в отношении тех концептов, которые представляют социальную реальность лишенной принципиальных противоречий, а социальных агентов – склонных к компромиссу. Другими словами, легитимность является характеристикой индивидуального и коллективного «превращенного сознания», воспринимающего действительность символически, преобразованной идеей формального равенства, вечными исканиями истины права. В результате легитимность, с одной стороны, предстает тем содержательно растяжимым медиумом, который задает контрастность позиций «частного мнения» и официальной номинации, а с другой – символизм этого понятия определяет единство сущности символических стратегий.

Дальнейший поиск методологических оснований процессуального подхода к исследованию онтологии права требует обращения к радикальной социально-философской концепции Никласа Лумана. Иногда Лумана объявляют последователем структурного функционализма Т.Парсонса, ссылаясь на схожесть их теоретического дискурса. В действительности немецкий мыслитель стремится к реализации более последовательного варианта функционализма, имеющего в качестве своих предпосылок функционализм Б.К.Малиновского, А.Р.Радклифа-Брауна и общую теорию систем Л.фон Берталанфи.

Радикальность функционализма Лумана состоит в том, что рассуждения социолога призваны разрушить «онтологическое предубеждение» о том, что системы существуют как объекты. Авторский акцент ставится не на «социально объективной области систем», а на «присущем миру» различении системы и окружающей среды. Структура перестает быть фактором устойчивости системы: она становится фактором ее обновления. Антитезис Лумана о не-необходимости порядка, о его способности быть случайностью («контингенцией») порывает с детерминистской онтологией и методологией структурно-функционального анализа. Можно сказать, что процессуальный подход, разработанный Н.Луманом, является образцом самоописания общества, позволяющим предсказать пути развития системы. Для автора процессуального подхода очевидно, что сложноорганизованным системам свойственны собственные тенденции, которые невозможно навязать. Проблема управляемого развития должна принять форму самоуправяемого развития («аутопойесиса»).

Применение общей теории функционализма к исследованию права и юридической системы позволило Н.Луману создать критическую онтологию права, обладающую такими качествами, как конструктивизм и операциональность. Будучи опытным обществоведом, он признает историческую оправданность идиомы политико-правового единства, лежащей в основе концепции правового государства. Однако соединение политики и права привело к тому, что право превратилось в политический инструмент, а конституционное право – в юридический инструмент дисциплинирования политики. В результате Н.Луман приходит к выводу о необходимости пересмотра самой концепции правового государства. Прежде всего, по его мнению, принцип правового государства нельзя рассматривать в качестве одного из положений конституции. Его правильнее рассматривать не в качестве нормы, а в качестве закономерного процесса.

Определяя право в качестве необходимых составляющих общественной эволюции, Луман полагает, что происходящие в современном обществе изменения, шокирующие общественное мнение и заставляющие адекватно реагировать органы исполнительной власти, должны через некоторое время стабилизироваться. «Ожидание ожидания» как основа любой социальной ситуации должно остановить или, по крайней мере, упорядочить процесс разложения устоев, создать приемлемые формы для нового содержания. Каким образом, по прогнозу Лумана, будет происходить процесс развития права?

Во-первых, если Э.Кассирер и П.Бурдьё были убеждены в производности формообразования социальных процессов от символической функции сознания человека, то Н.Луман рассматривает индивидов только в качестве окружающей среды и «элементов ожидания» системы. Следовательно, отдельно взятый индивид (например, выдающаяся личность) по прогнозу социолога вряд ли может существенно влиять на современные социальные процессы. В работе «Политическая теория в государстве всеобщего благоденствия» Луман замечает, что «закон и деньги обеспечивают лишь внешние причины для адаптации в специфических условиях. Но что не может быть достигнуто посредством закона и денег, это – изменение людей, они, благодаря принципу включения, сами должны измениться так, чтобы иметь право реализовать возможности, которые полагает им общество. Однако изменение людей – это самая опасная цель, которую политика может, только не обдуманно возжелав, поставить перед собой» [цит. по кн.: 3. С. 54].

Во-вторых, праву как любой сложноорганизованной системе свойственна оперативная замкнутость. Это означает, что развивать новые функциональные элементы вне правовой системы, а затем вводить их в ее состав невозможно, поскольку по своей природе они уже включены в нее. Любые альтернативы событиям, фрагментам правовой системы могут выступать исключительно в качестве функциональных элементов. Влияние на право со стороны экономической системы (например, дополнительное финансирование), политической (например, принуждение через институты власти), психической (например, переход к личному взаимодействию) должно быть адекватно праву и содержать указание на предполагаемые функции нововведения в системе права. Средствами социально-инженерного подхода такое требование реализовать невозможно. Система должна сама выработать альтернативы во взаимосвязи процессов распада и самовоспроизводства.

Все общественные применения права действуют в этих рамках и варьируют предметный смысл, «соединение» юридических норм и программ, призванных регулировать «правильное» понимание ценностей «право» и «нарушение» с тем, чтобы обеспечить связь времен и способностью к согласию/разногласию в сфере взаимной совместимости. И поскольку предметное измерение учитывает эту функцию выравнивания, не существует вещественного, предметного определения права. Его место занимает системное определение – «юридическая система» [4. S. 131]. Несмотря на то, что юридическая система является симуляцией функциональной спецификации права, ее по-прежнему принято считать своеобразным иммунитетом общества. Прочность социального статуса юридической системы определяется тем, что она несет на себе родовые черты права.

Так, подобно праву, юридическая система несет на себе признаки аутопойезиса, то есть она открыта в информационном плане и закрыта в плане внешнего управления. Ее закрытость проявляется в том, что, подчиняясь меняющимся обстоятельствам, она сама определяет границы трансформации. Кроме того, юридическая система со-

стоит только из таких коммуникаций, которые подчиняются бинарному коду законное /незаконное. При этом кодирование выполняет «двойную функцию». С одной стороны, оно служит для очерчивания проблемы невыполнения ожиданий, то есть того, что принято называть положительной или отрицательной правовой оценкой. С другой стороны, кодирование необходимо для контроля постоянных внутренних отношений системы, то есть для «актуализации ее памяти». В этом смысле вторая функция может быть названа процессом аутопойетического воспроизведения системы [5. Р. 53]. В результате может возникнуть мысль о том, что единство дифференцированной юридической системы возможно обеспечить только с помощью позитивного права, то есть права, заключенного в самой юридической системе.

Однако система не терпит тавтологий и рано или поздно преодолевает их. В работе «Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества» Н.Луман дает концептуальное определение тавтологии: «Тавтология есть различия, которые не различают; они суть различия без различия. Они эксплицитно отрицают, что то, что они различают, составляет различие. Они, таким образом, приглашают к колебанию, к блокированию наблюдения» [6. С.209]. Тавтология в самоописаниях является, с одной стороны, условием устойчивости системы, а с другой – признаком ее идеологической несвободы, сдерживающей процессы обновления. По мнению Н.Лумана, уже сейчас различимы тенденции, указывающие на «развертывание тавтологий». В частности, изменения в обществе ведут к изменению понимания сущности юридической нормы. При этом симптомы изменения в ее восприятии тем более заметны, чем успешнее современное общество реализует себя в качестве постиндустриального (информационного) общества. Нечеткость границ нынешних юридических систем вполне соответствует неопределенности и дискретности структур современных обществ. По мнению Лумана, участвовавшие высказывания о «подрыве правового порядка» не являются ни ошибочными, ни случайными. Действительно, происходит постепенная подмена кода законное/незаконное на метакод включение /исключение. Например, сегодня для основных групп населения большее значение имеет не поведенческая ориентация на закон, а возможность исключения из сферы легальности, прекращение доступа к тем или иным ресурсам общества. Кроме того, идиома законопослушности, политические мотивы деятельности отодвигаются на задний план и уступают место экономическим интересам. В качестве примера Луман рассматривает мафиозные организации, которыми, как правило, управляют предприниматели и высокопоставленные чиновники. Для них код законное/незаконное имеет малое значение по сравнению с кодом включение /исключение, который принимается во внимание в экономических решениях [4. S. 550].

Таким образом, в качестве симптомов изменения правовой системы Луман склонен называть, во-первых, утрату четких границ юридической системы, во-вторых, дрейф современного общества от определения себя как политической системы к самоописанию через экономические параметры, в-третьих, достижение информационным обществом высокой степени комплексности наряду с возросшей конфликтностью традиционных ценностей. Сложно сказать, по какому сценарию будут развиваться эти изменения и к каким последствиям приведут, но важно то, что, по прогнозу Н.Лумана, редукция комплексности, а значит и относительная, временная стабильность правовой системы неизбежны.

Значение идей Э.Кассирера, П.Бурдьё и Н.Лумана для исследования процессов, происходящих в современной России, трудно переоценить. Прежде всего, эти мыслители помогают понять, что мир вокруг нас организован не по принципу университетс-

ких дисциплин. Он имеет собственную логику развития, отнюдь не всегда согласующуюся с логикой детерминизма и нормативности, закрепленной в языке науки. Анализ процессов, случайностей, функций социальных организованностей позволяет глубже представить суть происходящего, повысить надежность сценариев и программ развития общества.

Методология процессуального подхода ориентирует на решение социальных задач опосредованным способом – путем оперирования символами. Кроме того, в рамках данной методологии принципиальным является исследование функций, процессов, порождаемых явлением, а не описание его структуры. При этом явление предстает как самодостаточное, а любое техническое воздействие на него должно соизмеряться с его функциональными возможностями. Так, например, учение о символическом понятии Э.Кассирера позволяет подвергнуть сомнению субстанциональность таких понятий, как «государство», «право», «закон», «конституция». Они, безусловно, являются символическими понятиями, так как преобразуют чувственные данные в символы, а следовательно, изначально имеют созидательную, а не отражающую силу. При этом каждое из этих понятий притягивает к себе рядоположенные, представляет его через себя и образует с ними «символическое поле», обладающее собственной энергией (процессуальностью). Включаясь в силовое поле символов, человек привносит в него координату пространства, делая свою жизнь в «символическом поле» уместной. Освоенное символическое пространство становится естественным, нерексифицируемым фоном бытия человека и общества. Что касается российского термина «государство», то для него характерна связь с понятиями «Господь», «господин», «господство». В английском понятии государства «state» значение подчинения отсутствует. Для обозначения основной политической функции государства используется единственный и однозначный термин «власть» (сила власти). В западной литературе для обозначения политической власти применяется не термин «power» (власть, сила), а термин «authority», имеющий в английском языке два значения: «власть» (state authority – государственная власть) и «авторитет» (источник высшего знания). В российском же словаре (и правосознании) государственная власть и авторитет – совершенно разные социальные силы. Кроме того, специфично для российского правосознания наличие двух понятий – «юстиции» и «справедливости», в то время как для западноевропейской правовой культуры характерно одно понятие – юстиция [7. С. 80-82]. Каждое из рассмотренных выше понятий, представляя свое содержание, одновременно указывает на целое – русскую правовую культуру. Особенность ее состоит в том, что на Руси государство и право почитались греховными, оправдывающими порабощение человека и народа. Учение о правовом государстве, принцип разделения государства и гражданского общества, привнесенные на российскую почву теоретиками школы государственников, были включены в символическое пространство правовой культуры и дали соответствующие ему «плоды-гибриды».

Появившиеся в последнее время широкомасштабные социологические исследования [8, 9] показывают, что в российском обществе происходят существенные перемены, связанные с тем, что оно рассыпается на малые группы, члены которой доверяют только «своим» и игнорируют законные требования «чужих». Мафиозные нормы пронизывают деятельность всех организационных, в том числе и государственных, структур. Если следовать тезису П.Бурдьё о том, что легитимность зависит от доминирующей в том или ином обществе символической стратегии, можно предположить, что так называемые неправовые практики, подлежащие искоренению, потому и являются легитимными, что соответствуют сложившейся символической стратегии. Другими сло-

вами, неправо в российской действительности нелегально, но легитимно. Данная тавтология не является логической ошибкой описания процессов, происходящих в правовой сфере, она отражает их суть. Отсюда напрашивается вывод о том, что быстрое получение позитивных результатов маловероятно. Необходимы длительные синхронизированные программы, учитывающие максимально широкий спектр происходящих социальных процессов.

Напомним, что Н.Луман предупреждал о недопустимости применения искусственно-технических средств для решения комплексных социальных задач, настаивал на необходимости сохранения ценности закона в современном обществе, как его своеобразной иммунной системе. Особенно это касается тех сфер, которые непосредственно связаны с безопасностью государства. В случае же легализации нелегальности, безусловно, можно добиться быстрого (скорее всего непродолжительного) экономического подъема, но вряд ли удастся преодолеть исторически сложившуюся нелегитимность российской государственной власти. Современная правовая ситуация диктует необходимость пересмотра модели взаимодействия государства и общества. Модель тотального регулирования, получившая название «грабящей руки», должна быть заменена на модель «невидимой руки», при которой государство соответствует механизмам саморегуляции гражданского общества, а ветви власти, взаимно ограничивая притязания друг друга, подчинены закону. При этом государство не утрачивает свои функции управления и контроля, оно лишь делегирует часть своих полномочий институтам гражданского общества. Основная же деятельность государства должна быть ориентирована на поддержание старых и создание новых функциональных элементов, обеспечивающих включение общества в происходящие мировые процессы.

Следует согласиться с мыслью Н.Лумана о том, что общество и неполитические структуры при определенных условиях способны сами регулировать конфликты, воссоздавать новые разногласия и образовывать селективно-избирательные механизмы ожиданий. Мировая правовая практика уже имеет пример создания гибких инструментов, позволяющих найти компромисс между государством и обществом. В данном случае речь идет о системе «независимых административных авторитетов», созданной во Франции. Этот новый юридический институт, выступающий исключительно в качестве функционального элемента, помогает контролировать работу публичных учреждений национальной системы высшего образования (Национальный комитет по оценке), регулировать телекоммуникации (А.Р.Т.). В своей деятельности «независимые административные авторитеты» фактически берут на себя юридические полномочия, что позволяет им не только создавать нормы, но и в отдельных случаях изменять уже существующие предписания властей.

Исходя из этого можно предположить, что российская так называемая незаконопослушность является реакцией отторжения национальной православной культурой чуждых ей элементов западной традиции права, а в процессах, происходящих в современном российском праве (неправе) сохранены рудименты того культурно-исторического противостояния. Возможно, что российское право должно быть рождено в результате синтеза идеи национального государства и идеи государства, интегрированного в мировое сообщество. Чтобы ответить на эти и многие другие вопросы, касающиеся проблем правовой культуры современной России, философам и правоведам предстоит научиться *видеть* процессы, выработать язык их описания, отказаться от стремления «втискивать» сложноорганизованные явления в прокрустово ложе детерминизма.

Библиографический список

1. Рулан Н. Юридическая антропология: Учебник для вузов. М.: Издательство НОРМА, 1999.
2. Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
3. Поскониная О.В. Никлас Луман о политической и юридической подсистемах общества. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1997.
4. Luhmann N. Das Recht der Gesellschaft. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1995.
5. Luhmann N. Le Droit Comme Systeme Sosial // Droit et Societe. P., 1989. №11/12.
6. Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // Социологос. М.: Прогресс, 1991.
7. Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // Социологос. М.: Прогресс, 1991.
8. Яковлев А.М. Российская государственность (историко-социологический аспект) // Общественные науки и современность. 2002. № 5.
9. Клямкин И.В., Тимофеев Л.А. Теневая Россия. Экономико-социологическое исследование. М., 2001.
10. Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М., 2001.

M.I.Pantykina

**RUSSIAN LAW IN A CONTEXT OF PHILOSOPHICAL
METHODOLOGICAL RESEARCH**

The complex research of processes determining modern life in the sphere of law is one of the main directions of philosophy of law development. The author of the article believes that the creation of productive explanatory model, sufficient for designing Russian legal system should be anticipated by radical change paradigmatics of law research. The main idea of this innovation, in author's opinion is in developing the methodology of identification of the law not only from the prevailing position of normative approach, but also from the point of view of the process approach.